

ЗЕМСКИЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70—80-х гг. XIX в.

Земские учреждения согласно законодательному акту 1864 г. создавались «для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда» (1, 2). В ведение земств были предоставлены пути сообщения местного значения, народное продовольствие, взаимное страхование, борьба с вредителями сельского хозяйства, попечение о местной торговле и промышленности, общественное призрение, попечение о народном образовании, здравии и тюрьмах.

Но с первых лет создания земств самодержавие чинило всевозможные препятствия для их практической деятельности. «Земство с самого начала,— отмечал В. И. Леппп,— было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемом бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось» (10, с. 36). Вместе с тем В. И. Ленин указывал и на положительное значение земской деятельности в области развития народного образования, медицинского обслуживания, экономики и статистики. В организованных в 1866 г. земствах Таврической губернии вначале преобладали представители дворянства, удельный вес которых в 80-е гг. сокращается за счет увеличения количества гласных из числа зажиточных слоев крестьянства, интеллигенции и купечества. Это отражало развитие капиталистических отношений в губернии.

Несмотря на недовольство правительства и трудности, Таврическому земству удалось добиться определенных успехов в развитии экономики края. Кстати, земства Таврической губернии занимали одно из первых мест в России по затратам средств на хозяйственные нужды (5, с. 18).

Но наибольшие успехи были заметны в сфере народного образования. Ко времени создания земств оно влачило жалкое существование. Начальные сельские школы находились в ведении удельного ведомства, министерств внутренних дел и государственных имуществ. Все эти школы содержались за счет особого денежного сбора с крестьян. Кроме них, в селах функционировали и так называемые приходские школы, где крестьянских детей обучали азам грамоты священники. Содержались эти школы на средства сельских обществ.

В конце 60-х гг. в прогрессивных кругах отечественной интеллигенции и земских деятелей зарождается идея о создании нового типа начальной школы в деревне. Выдающийся педагог К. Д. Ушинский в 1869 г. писал видному земскому деятелю и известному педагогу Н. А. Корфу: «Я думаю, что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России, и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей» (11, с. 42).

К началу 70-х гг. XIX в. усилиями активных деятелей земства были созданы трехгодичные начальные школы с одним учителем, которые получили название земских. Земства играли не только основную роль в их материальном обеспечении, но и в значительной мере определяли содержание обучения. Здесь внедрялись идеи прогрессивных отечественных педагогов. В частности, в земской школе устанавливалась классная система обучения, широко использовалась наглядность, развивалась познавательная активность детей. Вместо псалтырей и часословов официально одобренных для обучения крестьянских детей, появились учебники, в которых давался разнообразный материал знакомивший детей с окружающим миром развивающий речь и мышление. Большое значение имело широкое распространение в земской школе «Родного слова» К. Д. Ушинского. Хотя этот учебник и не был приспособлен для сельской школы, он являлся одним из первых светских учебников на селе, выполняющих задачу развивающего обучения. «Родное слово» широко применялось в школах Таврической губернии, причем не только русских, но и татарских (6, ф. 100, оп. 1, д. 1902, лл. 17, 42, 106).

В 1871 г. была издана книга для чтения Н. А. Корфа «Наш друг». Составленная с учетом специфических условий сельской школы, она предназначалась именно для трехлетней земской школы. Другими учебными пособиями, наиболее пригодными для обучения крестьянских детей, были «Азбука и

уроки для чтения» Н. Ф. Бунакова и «Русские книги для чтения» Л. П. Толстого. Обучение по этим учебникам в сельской школе не носило такого религиозного характера, как хотелось бы правительству и духовенству. Передовые народные учителя стремились использовать в преподавании в начальной школе как можно больше литературы, дававшей учащимся разнообразие, реальные знания о мире.

В условиях царской России это было трудным делом. Но «Положению о начальных народных училищах» 1864 г. в сельские школы допускались лишь учебники, предварительно прошедшие цензуру Министерства просвещения и духовного ведомства (б. ф. 101, оп. 1, д. 18, л. 24).

Правительство и представители официальной педагогики, стремившиеся использовать начальную школу для поддержания в народе религиозно-нравственных идеалов, покорности престолу и церкви, всячески препятствовали проникновению в школы всего нового и прогрессивного.

В 1875 г. попечитель учебного округа, получивший сведения об «уклонении» учителей Таврической губернии от этого требования правительства, обязал директора училищ губернии ежегодно составлять списки всех книг и учебных пособий, применяемых в начальных школах, с «указанием против каждой книги... на официальные документы о состоявшемся одобрении этой книги» (б. ф. 100, оп. 1, д. 1430, л. 6). Учителя, замеченные в использовании учебников и различного рода литературы, не вошедшей в список, одобренный Министерством, лишались работы (б. ф. 100, оп. 1, д. 18, л. 2, 3).

Усилившееся влияние земства на дело народного образования вызвало опасение и недовольство царского правительства, которое поставило своей целью отстранить земство от народного образования. Общественно-политический подъем 70-х гг., ширившееся народническое движение, появление в деревне учителей-народников вызвали в правительственных кругах мнение, что народная школа может быть обращена в «орудие разгнания народа» (13, с. 76). Бдительный надзор за этими школами правительство решило поручить дворянству. Новое «Положение о начальных училищах» 1874 г. представляло председателем дворянства права председателей советов. Наиболее важная учебная часть школы передавалась в исключительное

заведование правительственных чиновников-директоров и инспекторов начальных народных училищ. За земством оставалось лишь право выделять средства на содержание школ. Робкие протесты земств, выраженные в форме ходатайств против ограничения прав в деле народного образования, правительство отклоняло либо вообще оставляло без ответа.

Несмотря на препятствия, в середине 70-х гг. передовые земства России по-прежнему продолжали играть роль не только поставщика средств на содержание школ, но принимали живое участие во всем, что только касалось народной школы. Земские управы увольняли и принимали на службу учителей, не сообщая об этом ни инспектору, ни училищному совету.

Во второй половине 70-х гг. количество земских школ в Таврической губернии продолжало увеличиваться, росли и размеры ассигнований на народное образование. К 1880 г. эта сумма достигла 241,1 тысячи рублей (5, с. 567). По затратам на душу населения народное образование Таврической губернии занимало первое место в России.

Официальные власти стремились противопоставить земской школе церковно-приходскую. Однако она не смогла вытеснить и заменить более прогрессивную земскую школу, которая в большей мере отвечала потребностям экономического развития страны. В северных уездах Таврической губернии к концу 80-х гг. церковно-приходские школы составляли лишь 8,7 % от общего числа начальных народных школ, а в крымских уездах эти школы составляли 28,6 % (б. ф. 100, оп. 1, д. 1976, лл. 20, 50, 54, 157, 68).

В целом по губернии земские школы продолжали играть главную роль в деле просвещения. Деятельность земств в области народного образования отвечала запросам сельского населения и опиралась на его поддержку. Земская школа в сознании крестьян стояла выше церковно-приходской школы с учителем-священником или дьячком. В последние отдавали детей лишь тогда, когда поблизости не было земской школы. В земские управы постоянно поступали ходатайства крестьян об открытии земских школ. Иногда, не получая субсидий земств, сельские общества сами строили здания и открывали школы на свои средства. По расходам на нужды народного образования сельские общества лишь немного отставали от

земств. В 1885 г. земства Таврической губернии выделили на народное образование 151 773 рубля, расходы на школы сельских обществ в этом же году составили 115 704 рубля (13, с. 83).

Таврическое земство и в 80-е гг. продолжало занимать передовые позиции в деле народного образования в России. Показатель охвата детей начальной школой в Таврической губернии был самым высоким в России и составлял 4,2 % (2, с. 25). За двадцать лет деятельности земств количество начальных народных училищ в губернии увеличилось с 90 до 655, т. е. более чем в 7 раз, а количество учащихся в них с 3612 до 32 973 человек, т. е. более чем в 9 раз (6, ф. 100, оп. 1, д. 1976, лл. 76, 96, 157, 168, 200).

С развитием капиталистических отношений, с проведением судебной и земской реформ появляется объективная необходимость в повышении образовательного уровня татарского населения, а также потребность в знании русского языка. Подъем общественно-политического движения в стране в 60—70-е гг. захватил и передовых представителей татарского населения, которые сознавали необходимость «коренных преобразований в умственной жизни крымских татар» (6, ф. 101, оп. 1, д. 19, л. 6). В 1870 г. по инициативе татарских сельских обществ было открыто несколько светских училищ с обязательным изучением в них русского языка. Преподавание русского языка было введено и в некоторых медресе (8, 16, с. 18).

2 февраля 1870 г. состоялось заседание совета министра народного просвещения, на котором были выработаны «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Проводя русификаторскую политику, правительство преследовало цель подавления национального языка и культуры и насаждения русского языка. «Правилами» разрешалось открытие новых мектебе и медресе, но только с обязательством «иметь при них учителей русского языка на счет магометанских обществ» (8, с. 18).

В Таврической губернии силами земства и сельских татарских обществ в начале 70-х гг. стали создаваться так называемые русско-татарские училища для совместного обучения русских и татарских детей в местностях со смешанным населением. Несколько «образцовых» училищ для татар открыло Министерство народного просвещения (6, ф. 101,

оп. 1, д. 2, л. 7). Специальных учебников для татарских школ не существовало. Использованию же учебников для русских школ препятствовало мусульманское духовенство, запугивающее население тем, что русские азбуки с православными молитвами отвратят их детей от мусульманской веры. В 1869 г. по инициативе и на средства Таврического губернского земства была издана «Русская азбука» прогрессивного педагога, учителя Симферопольской гимназии И. П. Деркачева, в которой не было молитв. Этот учебник мог с успехом использоваться как в русских, так и татарских школах.

В 1872 г. в Симферополе была открыта специальная учительская школа для подготовки учителей для татарских народных училищ (6, ф. 111, оп. 1, д. 5, л. 1). Но ни земские, ни тем более министерские училища не смогли добиться ощутимых результатов в развитии образования среди татарского населения. Магометанское духовенство, увидев в этих школах угрозу своему влиянию, всеми способами пыталось убедить родителей не посылать своих детей в светские школы (6, ф. 60, оп. 1, д. 1, л. 554). В большинстве случаев один и тот же ученик посещал и школу и мектебе, причем предпочтение отдавалось последнему. Обязательно посещение мектебе, привлечение детей к сельскохозяйственным работам приводило к тому, что обучение в школе продолжалось не более 2—4 месяцев в году. Большинство татарских детей оставляло школу, так и не окончив ее. Отношение числа учащихся к числу окончивших полный курс составляло в Симферопольском уезде 33:1, в Евпаторийском 90:1, в Феодосийском 27:1, Ялтинском 59:1 (6, ф. 100, оп. 1, д. 1856, л. 16). Распространению светского образования среди татарского населения препятствовало усиление к началу 80-х гг. великодержавной политики царского правительства, выразившейся в запрещении преподавания в народных училищах иного языка, кроме русского. Ходатайство Таврического земства о разрешении преподавания в начальных училищах Крымского полуострова татарского языка не было принято правительством во внимание (15, с. 267). Если «Правилами» к образованию инородцев 1870 г. допускалось применение татарского языка как вспомогательного при первоначальном обучении татарских детей, то теперь налагался запрет даже на такое ограниченное применение национальных язы-

ков в начальной школе (12, с. 6). Это затрудняло доступ татар в светские школы и было на руку мусульманскому духовенству. Мектебе и медресе по-прежнему играли основную роль в просвещении татарского населения.

Царское правительство, обеспокоенное усилением влияния земства на начальную школу, опасалось распространения этого влияния и на подготовку учителей для народа. В связи с этим было принято решение «отклонять ходатайства земств об открытии новых учительских семинарий, а учреждать их исключительно за счет правительства». С начала 70-х гг. правительство приступило к открытию собственных учительских семинарий и институтов. Многие земские семинарии вынуждены были перейти в ведение Министерства народного просвещения.

В 1872—1875 гг. в Таврической губернии были открыты три учебных заведения для подготовки учителей: Феодосийский учительский институт, Симферопольская татарская учительская школа и учительская семинария в селе Переслав Бердянского уезда.

Подчинив своему контролю большинство учительских семинарий, правительство не слишком тратилось на то, чтобы подготовить для народа хороших учителей с широкой общеобразовательной подготовкой. Учение в семинарах, в которые поступали после окончания начальной школы, продолжалось не более 3—4 лет. Программа обучения не отличалась разнообразием предметов. Учащимся семинарии сообщалось лишь минимум того, что могло потребоваться для работы в сельской начальной школе. Причем если на преподавание закона божьего отводилось 11 уроков в неделю, изучению педагоги посвящалось всего 5 уроков.

Большинство учащихся было из крестьян. Это облегчало их возвращение в привычную среду в новой просветительской роли. Выходя из народа, тесно с ним связанные, знающие его жизнь, понимающие его нужды, становились истинными народными учителями.

В начале 70-х гг. правительство впервые решилось открыть учебные заведения для подготовки учителей начальной школы в национальных районах страны. В 1872 г. в Симферополе была открыта татарская учительская школа (6, ф. 111, оп. 1, д. 5, л. 1). В ней предполагался пятилетний срок обучения, основное внимание уделялось изуче-

нию русского языка. Количество учащихся составило немногим более 30 человек. Среди них преобладали представители господствующих классов. В 1875 г. из 32 учащихся 23 были детьми помещиков и богатых купцов (6, ф. 111, оп. 1, д. 35, л. 5).

Таврическое губернское земство оказывало помощь татарской учительской школе, в бюджете которой средства земства составляли 20% (6, ф. 111, оп. 1, д. 5, л. 5).

Учительские семинарии не могли полностью обеспечить сельские школы учителями со специальной педагогической подготовкой, поэтому земство широко практиковало прием на работу в школы лиц с начальным или домашним образованием, сдавших предварительно экзамены на звание народного учителя. Экзамены по закону божьему, русскому языку, арифметике, географии и истории России соответствовали программе начальной школы. Практическая подготовка таких учителей сводилась к двум пробным урокам русского языка и арифметики в начальном училище (6, ф. 100, оп. 1, д. 1427, л. 45—48).

Правительство контролировало и этот источник учительских кадров для земской школы. Допуск к экзаменам осуществлялся только с ведома губернатора или полицейского управления, которые брали с экзаменуемого подписку о непринадлежности к тайным обществам и выдавали удостоверение в политической благонадежности. В 1873 г. такое удостоверение Симферопольским полицейским управлением было выдано сестре С. Л. Перовской — М. Л. Загарской (6, ф. 100, оп. 1, д. 1543, л. 46, 85).

Для подготовки учителей земство использовало и среднюю школу. Уездные земства Таврической губернии содержали своих воспитанников в гимназиях и реальных училищах, оказывали финансовую помощь, принимали участие в организации этих учебных заведений. Особое внимание уделялось женским гимназиям и прогимназиям (учебные заведения, соответствовавшие четырем нижним классам гимназии). Но несмотря на это, в целом по губернии женщины среди учителей народных школ составляли не более 25%.

Для практической подготовки учителей земства широко использовали учительские съезды, которые были более дешевым способом подготовки и повышения квалификации учителей, чем устройство специальных

педагогических заведений. В 1869 г. в Симферополе собрался первый съезд учителей Таврической губернии. Он был организован по инициативе и на средства земства с целью ознакомления учителей с наглядным способом обучения, который в то время только начинал внедряться в практику начальной школы. На съезде присутствовал 31 учитель, представители всех восьми уездов Таврической губернии, которые по заданию земства привезли на съезд сведения о состоянии школ в селах и свои «практические предложения к улучшению их» (6, ф. 100, оп. 1, д. 1353, л. 4). Для руководства съездом земство пригласило прогрессивного педагога, учителя приготовительного класса Симферопольской гимназии И. П. Деркачева, который внес большой вклад в разработку наглядного способа обучения. Им была написана специальная книга для народных учителей «Наглядное обучение».

Более успешным, оставившим заметный след в истории земских учительских съездов, был второй съезд учителей Таврической губернии, созванный летом 1870 г. (6, ф. 100, оп. 1, д. 1353, л. 6). Знаменательным событием стало присутствие на нем выдающегося ученого-педагога, «учителя учителей русских» К. Д. Ушинского.

Съезд народных учителей Таврической губернии произвел на К. Д. Ушинского большое впечатление. «Я много видал учительских съездов за границей,— говорил он,— и так не волновался. Но как могу не волноваться здесь, как могу удержаться от бесед с этими русскими, молодыми, горячими людьми. Я бы хотел вложить в их сердца все те думы, которые меня волнуют при виде застоя и невежества на моей родине. Эти горячие головы просто включили меня в их земские школы... я готов весь остаток своей жизни посвятить земским народным школам» (7, 31).

В центре внимания первых учительских съездов конца 60—начала 70-х гг. стояли вопросы приемов и методов первоначального обучения. Фактически земские учительские съезды, продолжавшиеся, как правило, около месяца, являлись своеобразными временными педагогическими учебными заведениями, где руководитель читал лекции, показывал на практике новые приемы обучения и обсуждал вместе со слушателями-учителями различные вопросы преподавания и организации школы. Съезды сыграли важ-

ную роль в деле внедрения в начальные школы новейших методов обучения, в частности метода применения наглядности, который благодаря прогрессивным деятелям народного образования вытеснил словотолковательный способ обучения, упорно насаждавшийся учебной администрацией и церковью.

Всего за пять лет, с 1869 по 1874 г., в Таврической губернии состоялось 7 учительских съездов. В работе их смогла принять участие значительная часть сельского учительства губернии (6, ф. 101, оп. 1, д. 18, л. 9).

Земские учительские съезды пользовались большой популярностью среди народных учителей, привлекали внимание общественности. Работа съездов, которые являлись значительным событием для уездного и даже губернского города того времени, широко освещалась на страницах периодической печати. Все это вызывало беспокойство правительства, которое стало препятствовать созыву съездов, а затем и запретило их.

Новый подъем общественно-политического движения в стране в конце 70—начале 80-х гг. вынудил правительство отменить запрет. Съезды этого времени во многом отличались от учительских съездов 70-х гг. Увеличилось число их участников, повысился уровень подготовки сельского учительства. Если на губернских учительских съездах 70-х гг. присутствовало не более 30—40 человек, то съезды начала 80-х гг. привлекали к своей работе до 200 и более участников. На съезде учителей Таврической губернии в 1871 г. учителя со средним и специальным педагогическим образованием составляли 28%, а на съезде в 1883 г. в Бердянске учителя с такой подготовкой составили 66% (6, ф. 101, оп. 1, д. 9, л. 27).

Заседания съездов начала 80-х гг. носили живой дискуссионный характер. Земства старались привлекать для их руководства видных педагогов, популярных среди народных учителей. Учителя на съездах являлись теперь не только слушателями, но и принимали самое активное участие в обсуждении новых приемов и методов обучения, вносили свои предложения по улучшению организации начальной школы, изменения в программе преподавания. «Никакая учительская семинария, руководимая чиновниками,— писал М. Ф. Бунаков,— не давала работникам школы того, что давали съезды, воз-

буждавшие в них творческую энергию и воодушевление, т. е. те живые силы, без которых невозможно удовлетворительное выполнение учительских обязанностей» (3, 31 - 32).

Съезды способствовали повышению общественной активности народного учительства. В начале 80-х гг. учителя впервые выступили с требованиями о привлечении их к участию в делах местных училищных советов и земских собраний при обсуждении вопросов по народному образованию. Высказывались также мнения о необходимости создания органа печати, на страницах которого могли бы заявлять о своих нуждах народные учителя.

Все это не могло не встревожить царское правительство. В апреле 1885 г. земские учительские съезды были вновь запрещены в связи с «проникновением в среду народного учительства политически неблаговажного элемента с целью распространения вредных идей среди сельского населения» (4, 84). Земствам пришлось примириться с потерей этой довольно действенной формы совершенствования народного просвещения. Г. И. Успенский писал в 1888 г. «... теперь этих съездов нет, а прежде на них говорили решительно обо всех народных нуждах, ...так что эти общие публичные разговоры влияли на губернскую политику, и на земских людей, присутствовавших на съездах, и на живой обмен мысли, связующий разные роды деятельности; теперь учитель чахнет один с учебником...» (16, 534—535).

Земские учительские съезды сыграли значительную роль в деле обобщения и распространения передового педагогического опыта, повышения квалификации и общественной активности.

Сложнейшая в условиях самодержавия задача подготовки учителей для народа была бы невыполнимой для земства, если бы его деятельность не совпала с мощным общественно-политическим движением в стране. В период, когда часть передовой интеллигенции и учащейся молодежи была очарована народническими идеями, роль народ-

ного учителя рисовалась в виде идийного руководителя крестьянства и помощника его в борьбе за лучшую жизнь.

Рост численности и образовательного уровня сельских учителей позволил земствам отказаться от услуг церковнослужителей. В 1887 г. инспектор начальных училищ сообщал в своем отчете о состоянии народного образования в крымских уездах: «законоучителей, преподающих предметы кроме закона божьего в районе не имеется» (6, ф. 100, оп. 1, д. 1976, л. 56). Потеря влияния церкви на начальное народное образование вызвала недовольство духовенства, которое объявило земскую школу притоном «материализма и безбожия». Доносы священников, обвиняющих сельских учителей в атеизме и неблагонадежности, становятся обычным явлением.

С ростом квалификации и образовательного уровня учителей земства взяли на себя заботу о повышении жалования народным учителям. К 1887 г. среди всех учителей, работавших в сельских начальных школах Таврической губернии, 38,8% получали жалование в размере от 300 до 400 рублей в год, 14,4% — от 400 до 500, 21,2% — от 500 до 600 и более (6, ф. 100, оп. 1, д. 1976, л. 72, 151, 156, 168, 188). На общем фоне России учительские жалования в Таврической губернии были относительно высокими, что позволяло приглашать хорошо подготовленных учителей из других губерний. В 1887 г. в Днепровском уезде все учителя, работавшие в начальных народных училищах, имели специальное педагогическое или среднее образование. В Мелитопольском уезде такие учителя составляли 89%, а в Перекопском — 74% (6, ф. 100, оп. 1, д. 1976, л. 121, 169).

Оценивая итоги деятельности земств в области народного образования, Н. А. Корф имел все основания заметить, что «русские общественные деятели, унаследовав пустыню, передают по наследству пустыню с оазисами» (9, 216). Но это были плодотворные оазисы, во многом определившие последующий прогресс в просвещении народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокопский И. П. Земское движение. М., 1914.
2. Богданов Н. М. Грамотность и образование в революционной России и в СССР. М., 1964.
3. Бунаков Н. Ф. Как я стал и перестал быть учителем учителей. СПб., 1905.
4. Вежлев А. М. Учительские съезды и курсы в России (вторая половина XIX в.) // Советская педагогика. 1958. № 7.

5. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. СПб., 1909.
6. Государственный архив Крымской области (ГАКО).
7. Деркачев И. П. Константин Дмитриевич Ушинский в 1870 году // Русская школа. 1897. № 5. С. 6.
8. Иногородские и иноверческие учителя. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах. СПб., 1903.
9. Корф Н. П. Итоги земской деятельности по народному образованию // Вестник Европы. 1871. № 6.
10. Лисиц В. И. Гонимые земства и апингалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5.
11. Песковский М. П. Барон Н. П. Корф. СПб., 1899.
12. Постановления совещаний при уездных земских управах по вопросам обучения татар. Симферополь, б/г.
13. Приложение к ведомственному отчету о состоянии Таврической губернии за 1885 год. Симферополь, 1886.
14. Светиков С. Г. Общественное движение в России (1707—1895). Ростов-на-Дону, 1905.
15. Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания // Симферополь, 1908. Т. I.
16. Успенский Г. И. // Собр. соч. М., 1957. Т. 9.

А. А. НЕПОМЯЩИЙ

В. Д. СМЕРНОВ—ИСТОРИК КРЫМА

Начиная со второй половины XVIII в., особенно после присоединения Крыма к России, Крымский полуостров привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей. Среди многообразных исторических проблем прослеживается неизменный интерес к истории Крымского ханства. В работах А. А. Андриевского, М. Н. Березжкова, Н. И. Веселовского разрабатываются вопросы внешнеполитических отношений Крымского ханства, в трудах Ф. К. Бруна, А. Г. Завадовского, Ф. Ф. Лашкова, В. Иордана, В. В. Шаркова рассматриваются аспекты внутренней жизни ханства. Экономическому развитию этого государственного образования посвятили свои труды Г. Ф. Блюменфельд и Ф. Ф. Лашков. В то же время появляются многочисленные научно-популярные работы по истории Крыма, среди которых выделяется обширное наследие известного историка и этнографа Крымского ханства В. Х. Кондараки.

Однако первое обобщающее фундаментальное научное исследование по истории Крымского ханства принадлежит перу Василия Дмитриевича Смирнова (1846—1922) — профессора Петербургского университета, выдающегося тюрколога с мировым именем.

В. Д. Смирнов родился 28 июля 1846 г. и провел свое раннее детство на Брючьеф Косе под Астраханью. Его отец — сначала сельский псаломщик, затем дьякон — умер, когда сыну было всего 8 лет, матери не стало еще раньше. Оставшись сиротой, Василий Смирнов оканчивает Астраханское духовное училище, затем, идя по стопам

отца, получает семинарское образование в Перми (10, 207).

В семинарии раскрываются незаурядные способности будущего ученого. В нем постепенно возникает протест против догматической церковной образовательной системы, окружавшей его. Василия мучают сомнения по поводу будущего жизненного пути: желая чего-то другого, большего в этой жизни, молодой Смирнов не мог еще тогда в Перми определить, чем же именно он хочет заниматься.

Все еще не решаясь порвать с духовным поприщем, Василий Смирнов в 1865 г. поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию. Однако год жизни в Петербурге все-таки меняет его планы и он переходит в 1866 г. в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков. (2, 199). С этого момента судьба Смирнова неразрывно связана со столичным университетом.

В студенческие годы сочинение будущего ученого под заглавием «О языковом влиянии монголо-татар на Россию (русско-татарские заимствования)» вызвало бурную реакцию. Написано оно было в 1869 г. под девизом «С кем познаешься, у того и хватаешься», «С кем поживешь, у того и переймешь», «Возле пылу постой — раскраешься, возле сажи — замараешься» и занимает 113 рукописных листов (1, ф. 50, оп. 1, д. 141). После историографического обзора автор на основе серьезных источников дает анализ заимствований в русском языке из монголо-татарского диалекта.